

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Д.К. Поляков

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА ПАССИВНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ
НА ФОНЕ РУССКОГО
(к проблеме межъязыковой асимметрии)

В статье рассматриваются структурные и функционально-коммуникативные свойства пассивных форм и конструкций в чешском языке в сопоставлении с русским. Основным объектом анализа являются личные и безличные рефлексивно-пассивные конструкции (статус последних в системе залоговых противопоставлений долгое время остается дискуссионным). После рассмотрения их структурных свойств, семантического объема и коммуникативного потенциала делается вывод о значительности функциональной самостоятельности и обособленности рефлексивных форм в рамках категории залога.

Ключевые слова: рефлексивность, залог, безличность, деагентивность, межъязыковая асимметрия.

Structural and functional-communicative properties of passive forms and constructions in the Czech language as compared to Russian are considered in the article. The main object of analysis are finite and impersonal reflexive-passive constructions (the status of the latter within the system of voice oppositions has remained controversial for a long time). After considering their structural properties, semantic dimensions and communicative potentialities a conclusion is made about their considerable functional independence and about the isolated and detached position of the reflexive forms within the framework of the category of voice.

Key words: reflexivity, voice, impersonality, deagentivity, interlingual asymmetry.

Традиционный для русской и поначалу также для чешской лингвистики морфолого-синтаксический подход к категории залога¹ базировался на признании ее двучленной структуры («актив: пассив», где второй член образуют два ряда форм, причастных и рефлексивных, далее РФ) и сугубо синтаксической природы трансформации активных конструкций в пассивные, характеризующиеся перемещением объекта – прежде всего прямого – в позицию субъекта, а в остальном описывающие ту же денотативную ситуацию (ср. рус. *Вопрос рассматривается / рассмотрен* ← *Вопрос рассматривают / рассмот-*

¹ Обзор основных работ по залого в русской лингвистике см. в [Никитина, 2008], в чешской – в [Кореšný, 1954; Štícha, 1984].

рели компетентные инстанции, аналогично чеш. *Věc se projednává / je projednána* ← *Věc projednávají / projednaly kompetentní instance*). Впрочем, в русистике уже А. В. Бондарко в рамках традиционного в целом определения залога обратил внимание также на семантическое отличие пассивных конструкций от активных. Сравнивая предложения типа *Такие вопросы решают только специалисты* – *Такие вопросы решаются только специалистами*, он заключал: «При активе S интерпретируется как независимая субстанция – носитель предикативного (с морфологической точки зрения – глагольного) признака, O – как субстанция, зависимая от предикативного признака... При пассиве же как независимая субстанция – носитель предикативного (глагольного) признака интерпретируется не S, а O, что же касается S, то он представлен косвенным дополнением как зависимая субстанция, занимающая периферийное положение в содержательно-синтаксической структуре предложения...» [Бондарко, 1978: 60]. Отметим сразу, что перевести указанное выше предложение на чешский язык изоморфной конструкцией с сохранением рефлексивного пассива и так называемого субъектного дополнения при нем невозможно. Эту валентность в чешском допускает только причастный пассив, который, однако, в отличие от русского языка, образуется и от глаголов несовершенного вида, ср.: *spory jsou rozhodovány odborníky z oblasti právní teorie i právní praxe* ‘споры **разрешаются** (букв. «суть разрешаемы») специалистами в области теории и практики права’.

При изучении категории залога в чешско-русском сопоставительном плане до сих пор описывались в основном именно такие различия между обоими языками, которые «заключаются, с одной стороны, в наборе и распределении формальных средств выражения страдательного залога, с другой – в их функционировании» [Широкова, Васильева, Едличка, 1990: 243]. В первую очередь констатировалось отсутствие в чешском языке дополнительной дистрибуции причастного и рефлексивного пассива в зависимости от глагольного вида, какая прослеживается в русском, напр.: *Эти товары производились, производятся и будут производиться* ~ *Эти товары [были / будут] произведены в достаточном количестве*². Ср. чешские соответствия: *Toto zboží se vyrábělo, vyrábí a bude vyrábět / bylo, je a bude vyráběno* (несовершенный вид) ~ *Tohoto zboží je [bylo / bude] vyrobeno / se vyrobilo [vyrobí] dostatečné množství* (совершенный вид).

Разумеется, как указывали многие ученые, способность к параллельной причастной и рефлексивной пассивизации присуща не

² Представленную дистрибуцию отчасти нарушает издавна распространенное в разговорном русском языке употребление рефлексивного пассива от глаголов СВ, часто осложненных добавочным значением возможности, ср. примеры – XIX в. и современный: *Стены еще побелятся* (Даль); *В дальнейшем эта площадка забетонируется...* (газ.) [Градинарова, 2009: 7, 11].

всем типам чешских предикатов. С точки зрения фреквенции, по-видимому, и в чешском языке причастный пассив шире образуется от глаголов совершенного, а рефлексивный – от глаголов несовершенного вида [Grepř, Karlík, 1998: 135]. Тем не менее само наличие такой способности позволяет поставить вопрос о вероятных семантических и коммуникативно-прагматических отличиях причастного и рефлексивного пассива в чешском. Эти отличия выявляются особенно отчетливо на фоне фактов русского языка, в котором семантика соответствующих – распределенных по виду – форм может быть признана в принципе идентичной постольку, поскольку идентичен набор допускаемых ими валентностей. Ситуация в чешском языке совершенно иная.

Речь идет о проиллюстрированном выше и также уже не раз отмечавшемся исследователями отсутствии у чешского рефлексивного пассива валентности для субъектного дополнения, имеющейся в русском языке (ср. в примере А.В. Бондарко *вопросы решаются специалистами при вопросы решены специалистами*). Изоморфные русским конструкции РФ с «агентивным творительным» в чешском языке встречаются лишь спорадически. Так, Ф. Штиха приводит архаизм (или русизм?) из книги очерков Яна Неруды, 1864 г. *Čištění ulic vykonává se obyčejně Elsasany* ‘Очистка улиц производится обыкновенно эльзасцами’ и ненормативный – притом также с точки зрения порядка слов – современный пример *Záležitost se probírala nakupujícími maminkami v samoobsluze* ‘Дело обсуждалось покупающими мамами в магазине самообслуживания’ [Štícha, 1988: 26, 28]. Добавим к этому еще сверхсложное синтаксическое построение участницы интернет-конференции газеты «Лидове новины» *Kdy se přestane dnešními ministry plýtvat penězi daňových poplatníků?*, букв. ‘Когда прекратятся нынешними министрами разбрасываться деньгами налогоплательщиков?’, и фразу из интернет-рекламы квартирных перевозок *Stěhování se provádí stěhovacími vozy a kvalifikovanými pracovníky* ‘Перевозка производится транспортировочными машинами и квалифицированными рабочими’ с объединением следующих друг за другом форм «творительного орудийного» (*vozy* ‘машинами’) и творительного падежа одушевленного существительного (*pracovníky* ‘рабочими’), который при таком соседстве явно не может считаться чисто «агентивным». В наши дни эти изолированные конструкции, безусловно, не являются системными: норма современного чешского языка не предполагает и не допускает выражения производителя действия в рамках рефлексивно-пассивной синтагмы. Это означает, что анализируемая чешская конструкция отличается максимальной «деагентивизацией», как обозначается эта основная типологическая черта пассива в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова и др., 2004].

Рассматривая соотношение русских активных и пассивных конструкций с точки зрения коммуникативных различий между ними, Г.А. Золотова определяет пассивизацию как «результат дезакционализации, дезактуализации и деагентивизации», замечая, что «глагол с утратой действительного залога утрачивает и акциональное значение», ввиду чего «агентивный компонент становится факультативным или ненужным» [Золотова и др., 2004: 131]. Заметим, что для рефлексивного пассива в русском языке, по-видимому, правомерно констатировать именно лишь факультативность такого компонента. Хотя рефлексивно-пассивная конструкция с субъектным дополнением, по наблюдениям исследователей, малоупотребительна [Храковский, 1991: 165] и имеет книжный характер [Русская грамматика, 1980: 615], сам факт, что данный тип пассива вообще допускает экспликацию субъекта, представляется принципиально важным³. Следует учесть и высказывавшееся в русистике мнение, что «наиболее типичная синтаксическая трансформация – активно-пассивная – невозможна без приглагольного второстепенного члена – дополнения (*Плотник строит дом – Дом строится плотником*)» [Юрченко 1972: 10]. Чешская же рефлексивно-пассивная конструкция предстает в сравнении с русской более отвлеченной от субъекта пропозиции, на который в случае необходимости может быть только косвенно указано в контексте: ср. формулировку из инструкции по покупке недвижимости *Podpis Smlouvy kupní se ověřuje u notáře* ‘Подписание Договора купли-продажи заверяется у нотариуса’ (но *je ověřován notářem* ‘заверяется нотариусом’) или протокольную формулу *schvaluje se 7 hlasy přítomných* ‘принимается 7 голосами присутствующих’ (но *schváleno všemi přítomnými* ‘принято всеми присутствующими’; при этом в первом случае творительным падежом *7 hlasy* выражается не субъектное дополнение, а обстоятельство, характеризующее процедуру голосования). Тем самым в чешском языке возникает структурная и семантическая асимметрия между рефлексивным и причастным пассивом, отсутствующая в русском.

Поиски инвариантного значения тех и других форм привели к распространению в чешской лингвистике с конца 1960-х гг. новой трактовки пассива с опорой на понятие деагентивности (близкое «деагентивизации» у Г.А. Золотовой). Эта трактовка представляла собой развитие концепции Б. Гавранека, изложенной им в классическом труде «Genera verbí в славянских языках», где суть пассивной моди-

³ Реализацию этой возможности, впрочем, сдерживают определенные ограничения коммуникативного характера. Например, существуют фразеологизованные рефлексивные формы-клише (типа *sprášíвается*), исключая внедрение в конструкцию субъекта и других актантов. В иных случаях, однако, субъект способен эксплицироваться даже в клишированных рефлексивных конструкциях, что используется в целях языковой игры, ср.: *Как уже говорилось ранее, вполне возможно, что даже мною ...*

фикации активной конструкции усматривалась в устранении агенса действия из позиции субъекта глагольного предиката (подлежащего), причем автором выделялись два случая: а) подлежащее вообще отсутствует и б) им является «цель или результат глагольного действия» [Navránek, 1928: 14–15]. Рефлексивные конструкции типа б), такие как *dům se staví* ‘дом строится’ или *obilí se mlátí* ‘зерно молотится’, Б. Гавранек называл личным пассивом (*passivum osobní*), но также и конструкции типа а), как *napřed se mlátí, potom se platí* ‘сперва молотят, потом платят’ (букв. «молотится», «платится»), он толковал как пассив – только «безличный» (*passivum neosobní*). В статьях [Грепль, 1967; Грепль, 1973] и в «Синтаксисе чешского литературного языка» [Bauer, Grepl, 1975] обе эти структуры были охарактеризованы как деагентивные предложения (противопоставленные агентивным⁴), соответственно дву- и односоставные; к этому же классу были отнесены предложения с причастной пассивной конструкцией типа *dům byl stavěn / postaven* ‘дом строился / был построен’ (и односоставные, как *Už o tom zde bylo hovořeno* ‘Об этом здесь уже говорилось’; ср. ... *было говорено*) а также неопределенно- и обобщенно-личные предложения с глагольными формами 2 л. ед., 3 л. мн. ч. и др. [Bauer, Grepl, 1975: 64–71].

Вслед за Б. Гавранек и в соответствии с разделяемой сейчас большинством чешских ученых концепцией деагентивности мы будем рассматривать лично- и безлично-пассивные РФ в чешском языке как единый континуум. К этому побуждает их свободное образование в принципе от любого невозвратного глагола (исключения можно задать списком), независимо от его переходности/непереходности и – шире – объектности/безобъектности, как и тот факт, что те и другие одинаково связаны с личными формами актива регулярными парадигматическими отношениями. Ср. примеры из юмористической книги К. Чапека *Jak se dělá film* («Как делается фильм»), из подглавок, названных *Stavíme* («Строим») и *Točíme* («Снимаем»):

1) с личными РФ переходных глаголов:

... *a teď se to na místě staví, zavěšuje, vzpírá latěmi, montuje, sbíjí, přetírá, klíží, přestřikuje a vůbec dává dohromady*

‘и вот все это на месте **устанавливается** (букв. «строится»), **повдвешивается, укрепляется** рейками, **монтируется, сколачивается, подмазывается, подклеивается, подкрашивается** и вообще **собирается** воедино⁵;

⁴ В [Грепль, 1967] – «(де)агентивные».

⁵ Нельзя обойти стороной также синтагматические связи рефлексивных форм разнообразных глаголов в тексте, где они часто объединяются общим для них рефлексивным компонентом *se*. В разговорном чешском языке в такой цепочке однородных форм рефлексивного пассива бывают способны фигурировать – при одном, обслуживающем всю группу, или повторяющемся компоненте *se* – и лексически рефлексивные глаголы, ср. примеры из Интернета: *A pak se jedlo, pilo (nejvíce teda*

2) с безличной РФ непереходно употребленного глагола:

“*Tak at’ tlučou tišeji*”, *vybuchuje režisér*. “*Tady se zkouší!*”

‘– Пускай стучат потише! – взрывается режиссер. – Мы тут **репетируем!**’ (букв. «репетируется»),

ср. “*Ticho, zkoušíme zvuk*”, *křičí režisér* ‘– Тихо, репетируем со звуком! – кричит режиссер’ (букв. «пробуем звук»);

3) с безличными РФ объектного непереходно и непереходно (но с адвербиальным распространением) употребленного глагола:

... *a potom se nadává na slunce a točí se i venku v záři uhlíků*

‘а потом **ругаются** на солнце (букв. «ругается», безличн.) и **снимают** (букв. «снимается») даже на пленере при свете угольных стержней’,

ср. из фельетона «Как делается газета»: [*všichni redaktori*] *nadávají na ten sakramentský život* ‘все редакторы ругают эту распроклятую жизнь’;

4) с безличной РФ безобъектного глагола:

“*Stop*”, *praví režisér*. “*Tak osvětlit a jedeme*”. <...> *A jede se dál*.

‘– Стоп, – говорит режиссер. – Теперь свет и поехали. <...> И съемка **идет** дальше’ (букв. «едется дальше»).

Общепитологической чертой «безличного пассива» (в новейшей литературе именуемого также «субъектный имперсонал», см. [Князев, 2007: 301–304]), рефлексивные формы которого широко распространены в западно- и южнославянских языках, а в русском существуют лишь на периферии системы или же как потенциальные члены залоговой оппозиции⁶, является, как ни парадоксально, персональность семантического субъекта: конструкции с такими формами «всегда имплицитно только субъект-лицо – обобщенное, неопределенное или конкретное» [Генюшене, Недялков, 1991: 271]. Чешский лингвист Ф. Штиха в ряде работ, начиная со статьи [Štícha 1979], распространяет это также на личные формы рефлексивного пассива, утверждая: «Рефлексивной конструкцией типа *Dům se staví* нельзя обозначить любое переходное действие – ее можно употребить лишь в случае персональности агенса и невыраженности его в

nealko pivo) *a veselilo* ‘А потом ели, **пили** (большой частью, конечно, безалкогольное пиво) и **веселились**’, *Pojedl se úžasný, veliký (60 cm v průměru) dort... pilo se, bavilo, foťbalkovalo...* ‘Съели потрясающий, огромный (60 см в диаметре) торт... **пили, болтали, в футбол играли...**’, *Hodně se bálo, trošku se spalo, zakrátko svítalo a vstávalo se* ‘Порядком **попугались**, немножко **поспали**, быстро рассвело – и **был подъем**’.

⁶ Ср. замечания Ю. П. Князева о том, что «близкую аналогию субъектному имперсоналу составляют русские Р[ефлексивные] К[онструкции] с глаголами речи», где при этом «допустимо агентивное дополнение» (с примером *Обо всем этом неоднократно говорилось лингвистами* – Л.В. Щерба), и что «в непринужденной письменной речи встречаются и точные аналоги рефлексивного субъектного имперсонала» (с примером *принялся ухаживать <...> так резко, как ухаживается только за «ничьей женой»* – К.И. Чуковский) [Князев, 2007: 302], а также наши примеры типа (*берется ранец и*) *идется* в школу в [Поляков, 2010].

предложении. <...> Действия, вызванные неперсональным агенсом, можно репрезентировать в пассивной перспективе исключительно причастной формой: *List je unášen proudem...*» [Štícha, 1984: 113]. Если рассматривать параллель данной чешской причастной конструкции в русском языке – рефлексивную конструкцию *Листок уносится течением* – как принадлежащую к сфере пассива, т.е. как результат трансформации активной конструкции *Течение уносит листок (куда-то вдаль)*, то следует признать персональность семантического субъекта еще одной чертой отличия чешских РФ, как безлично-, так и лично-пассивных, от соответствующих последним русских, которые по этому признаку не маркированы.

Разумеется, поскольку для русского языка «условие образования пассивного залога – это наличие значения акциональности в исходной глагольной форме»⁷ [Золотова и др., 2004: 341], а прототипическим активным агенсом в любом языке является одушевленный субъект целенаправленной деятельности, реально также русский рефлексивный пассив репрезентирует в первую очередь такие ситуации, в которых в качестве семантического субъекта выступает живое существо (по большей части человек). Однако – главным образом благодаря метафорическому переносу – субъектами, которым может быть предсказано активное действие, предстают и периферийные компоненты поля агентивности: названия механизмов, природных и физических явлений, абстрактных понятий. При этом характерной особенностью русского языка, с точки зрения некоторых исследователей, оказывается распространение, по крайней мере, потенциальной возможности пассивизации на всю сферу метафорической номинации субъекта: «во многих случаях в такой П[ассивной] К[онструкции] Субъект не является каноническим, т.е. его референтом выступает не человек» [Храковский, 1991: 165]. Заметим, однако, что конструкции типа *Грузы поднимаются краном, Деревья раскачиваются ветром* допускают двоякое толкование: существительное в творительном падеже может трактоваться здесь как агенс (← *Кран поднимает грузы, Ветер раскачивает деревья*), но также и как инструмент в первом случае или «проводник» действия, выраженного так называемым декаузативом, – во втором (ср. *Деревья раскачиваются от ветра / под ветром*). По мнению Ю.П. Князева, «более естественное понимание Р[ефлексивного] Г[лагола] в таких примерах – декаузативное, когда ситуация представляется как возникшая под влиянием неагентивной стихийной силы» [Князев, 2007: 272]. Безусловно неагентивный «проводник» влияния такой внешней силы выражается

⁷ Для чешских безлично-пассивных РФ это ограничение, впрочем, несущественно, ср.: *Cestou se spalo v tělocvičně v městečku Luže...* (Internet) ‘По дороге спали в спортзале в городке Луже...’; *Opalováním se stárne* (ČNK) ‘От загара стареют / стареешь’.

существительным в творительном падеже в безличных конструкциях с нерелексивным глаголом в 3 лице ед. ч. *Деревья раскачивает ветром* либо также *Листок уносит течением*.

В чешском языке как безличные, так и личные рефлексивно-пассивные конструкции наподобие *Листок уносится течением* на уровне системы отсутствуют; соответственно в спорадически встречающихся здесь контекстах типа *odkanalizování viaduktu u nádraží, který se zaplavuje při větším dešti vodou* (ČNK) ‘прокладка отводного канала от привокзального виадука, который при сильном дожде заливают водой’ (букв. «заливается») глагол тем более однозначно интерпретируется как декаузатив («виадук затопляется»), а существительное в творительном падеже – как адвербиальное по существу обозначение вызвавшей такое действие внешней силы. Метафорически в качестве такой стихийной силы могут быть представлены иногда и живые существа, ср. фразу из чешского Интернета: *Praha se zaplavila americkými mladíky pochybných mravů* ‘Прага наводнилась американскими юнцами сомнительных нравов’. Эти примеры в очередной раз показывают, что в чешской рефлексивной конструкции дополнение в творительном падеже не имеет значения деятеля и его наличие не является «тестом» на пассив, как это допускают для соответствующих русских конструкций, в том числе с неперсональным субъектом. Напротив, рефлексивно-пассивная конструкция в чешском даже при появлении такого дополнения, которым может обозначаться инструмент, средство, причина или «проводник» действия, подразумевает невыражение персонального семантического субъекта, имплицитного в качестве такового только контекстом. Ср. с предыдущими примерами фрагмент из описания выделки кожи: *Činění usně... probíhalo v činicích jamách... Jáma se zaplavila vodou a zakryla, postupem času se z kůry vylouhovaly třísloviny a rozpustila sůl* ‘Выделка кожи проводилась в выделочных ямах. Яма заполнялась водой и закрывалась (т.е. людьми, дважды пассив), со временем из коры выделялись дубильные вещества и растворялась соль (сами по себе, дважды декаузатив)’.

Интересны в этой связи обнаруженные нами в чешском Интернете примеры употребления безличных рефлексивно-пассивных форм глаголов, обозначающих действия животных (которые в строгом смысле не относятся к прототипическим персональным агенсам). Ср.: *Sem tam se cvičí štěkáni na povel, ale to je “tříkrát a dost” “nevím, zda jsou v plánu obrany, tam by se opravdu štěkalo...* ‘Время от времени отработывается лай по команде, но это «три раза и хватит», не знаю, стоит ли в плане защита, вот там бы по-настоящему лаяли’ (*cvičí se* – лично-пассивная РФ, имплицитная во всяком случае соучастие персонального субъекта; *štěkalo by se* – букв. «лаялось», безличная РФ с анимальным субъектом); *Tak dneska po ránu dostala*

štěňátka 1. injekci – moc se jim to nelíbilo, **vrčelo se a štěkalo**, ale za chvíli se na všechno **zapomnělo!** ‘Сегодня с утра щенятам сделали первый укол – им это совсем не понравилось, они **рычали** и **лаяли**, но быстро обо всем **забыли**’ (букв. «рычалось», «лаялось», «забылось»). В контекстах подобного рода агенс персонифицируется, т. е. животные воспринимаются как способные совершать активные действия, подобно человеку. Противоположную метафору демонстрирует употребление РФ в контексте *V české politice se vždy víc štěkalo než kousalo* ‘В чешской политике всегда больше **лаяли**, чем **кусали**’ (букв. «лаялось», «кусалось»). Эти примеры дают основание включать в понятие персонального семантического субъекта чешских рефлексивно-пассивных конструкций также животных как членов ближайшей периферии поля агентивности.

Характерная для лично- и безлично-пассивных РФ в чешском языке сильная сема персональности обуславливает, по-видимому, и некоторые другие их особенности, в частности, коммуникативного характера. Укажем на две из них, особенно заметные при сравнении чешского языка с русским.

Во-первых, обращает внимание употребление чешских рефлексивно-пассивных конструкций при выражении действий лиц, не только известных из контекста, но даже конкретных участников данной коммуникативной ситуации. В таких случаях РФ оказываются синонимичны личным глагольным формам. Например:

5) *Nic se mi neřeklo, když jste připravovali ten cirkus! Proč jsem já jediná nesměla vědět, co na nás padá?!* (Legátová)

‘Мне ничего **не сказали** (букв. «не сказалось»), когда вы готовили этот цирк! Почему я единственная не вправе была знать, что на нас валится?!’

6) *Do Indie se jede, koukám?* (речь)

‘Вы **едете** (букв. «едется») в Индию, как я погляжу?’

7) *My jsme se tuhle s Petrem dohodli, že ode dneška se nepije. Jsi pro?* (ČNK)

‘Мы тут с Петром договорились, что с сегодняшнего дня **не пьем** (букв. «не пьется»). Ты за?’

8) *“Tři minutky a už se to nese!” volá matka. “Vydržte!”* <...> *Matka přináší mísu horký polívky.* (Viewegh)

‘– Три минутки, и уже **несу** (букв. «несется»)!’ – кричит мать. – Потерпите! ... Мать приносит супницу с горячим супом.’

В примере 5) подразумеваемый говорящим семантический субъект РФ – несколько его собеседников (что сразу же эксплицитовано личной формой глагола в придаточном предложении); в примере 6) это один собеседник, в примере 7) – группа, включающая собеседника, говорящего и третье лицо, а в примере 8) – только говорящий. Хотя также и в русском языке референтом пассивной конструкции

«может быть любое лицо, в том числе и то, которое контролирует факт сообщения» [Храковский, 2004: 514], тем не менее такой свободы предикторования действия любому из участников ситуации или третьему лицу русские рефлексивно-пассивные формы все же не предоставляют.

Во-вторых, такая актуализация примарно деагентивной семантики чешских РФ по отношению к участникам коммуникативной ситуации обуславливает развитие ими в некоторых контекстах вторичного значения побуждения, которое может быть обращено говорящим к собеседнику или к собеседникам, в том числе с включением самого себя, а также только к самому себе. В этих случаях РФ оказываются синонимичны формам императива или индикатива в императивной функции. Ср. примеры (первый – вновь из книги К. Чапека *Jak se dělá film*:

9) *“Tak můžeme jet”, oddychne si režisér. “Točí se!..”* (Čapek)

‘– Значит, можно начинать, – облегченно вздыхает режиссер. – **Снимаем!**’ (букв. «Снимается»), ср. *“Tak teda budeme točit”, praví režisér...* ‘– Ну, начнем снимать! – произносит режиссер...’;

10) *“Tak nediskutuj a skákni do kuchyně udělat snídani”. – “Dokud nebudete řádně oblečen, budu vás ignorovat!”* <...> *“Tak se de vařit, ne?” povzbudil jsem ji lehkým konverzačním tonem.* (Páral)

‘Тогда не спорь и ступай на кухню приготовить завтрак. – Пока вы не будете как следует одеты, я буду вас игнорировать! <...> – Ну что, **идешь** готовить? – подбодрил я ее в легком разговорном тоне’ (букв. «идется»);

11) *Pochopil jsem, že mohu ve svém životě dělat něco lepšího. Tak jsem si řekl: Jde se!* (ČNK)

‘Я понял, что могу в жизни заняться чем-то получше. И я сказал себе: Вперед!’ (букв. «идется»);

12) *Tady se bude! A hlídat se bude!* [Běličová-Křížková, 1976: 355]

‘Чтоб был тут и караул!’ (букв. «тут будется», «караулить будется»).

Последний пример содержит редкую в чешском языке рефлексивно-пассивную форму («субъектный имперсонал») экзистенциального глагола *být* ‘быть’, употребленную здесь в побудительном значении. На фоне того факта, что безличные РФ обычно вообще считают несвойственными русскому языку, уместно отметить, что и это употребление находит довольно близкий аналог в русской разговорной речи, ср. рефрен популярной песни *Мне сейчас хорошо с тобой, а потом будь что будется!* Характерно, однако, что – в отличие от чешской в конструкции *Tady se bude!* – ненормативная РФ *будется* в русском примере не подразумевает персонального субъекта и соответственно не получает побудительного значения (а только оптативное).

Сказанное позволяет заключить, что даже на периферии, как и в центральной области категории залога вообще и рефлексивного пассива, в частности, между чешским и русским языками обнаруживается глубокая асимметрия. Будучи заложена уже в структуре чешских конструкций с РФ (недопустимость в них субъектного дополнения в творительном падеже, отсутствие распределения по виду с причастным пассивом, свободное образование РФ от непереходных и безобъектных глаголов), она закономерно находит отражения также на семантическом и коммуникативно-прагматическом уровнях. Невозможность обозначения производителя действия или носителя признака/состояния в рамках этих конструкций ведет к их максимальной деагентивности, т.е. семантический субъект из них оказывается полностью устранен. При этом, однако, устраняемый субъект неизменно мыслится как персональный, что в свою очередь порождает появление у чешских РФ в некоторых контекстах дополнительной коммуникативной нагрузки (ср. отмеченные выше случаи экспликации персональности и побудительной модальности). Охарактеризованные свойства чешского «рефлексивного пассива», являющиеся для него дифференциальными, дают основания говорить о присущей ему значительной – гораздо большей, чем у РФ в русском языке, – функциональной самостоятельности как в пределах категории залога, т.е. по отношению к формам причастного пассива, так и в ряду других деагентивных форм.

Список литературы

- Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
Генюшене Э.Ш., Недялков В.П. Типология рефлексивных конструкций // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1991.
Градинарова А. Из жизни русского возвратного перфективного пассива: прошлое и настоящее // Болгарская русистика. 2009. № 1–2.
Грепл М. К сущности типов предложения в славянских языках // Вопросы языкознания. 1967. № 5.
Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
Никитина Е.И. Акциональность/неакциональность возвратных глаголов и категория субъекта: к грамматической сущности категории залога: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
Поляков Д.К. Потенциальные члены залоговых оппозиций в современном русском языке (на фоне других славянских) // Русский язык: Исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ, 20–23 марта 2010 г.): Труды и материалы. М., 2010.

- Русская грамматика / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I. М., 1980.
Храковский В.С. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991.
Храковский В.С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы – испытание временем) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. СПб., 2004.
Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А. Чешский язык. М., 1990.
Юрченко В.С. Простое предложение в современном русском языке. Саратов, 1972.
Bauer J., Grepl M. Skladba spisovné češtiny. Praha, 1975.
Běličová-Křížková H. Kategorie osoby a systém diateze v slovanských jazycích (Ke vztahu morfológické a syntaktické roviny v jazyce) // Slavia. 1976. Č. 4.
Grepl M. Deagentnost a pasívum v slovanských jazycích // Československé přednášky pro VII. Mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě. Lingvistika / Hl. red. B. Havránek. Praha, 1973.
Grepl M., Karlík P. Skladba češtiny. Olomouc, 1998.
Havránek B. Genera verbi ve slovanských jazycích I. Praha, 1928.
Kopečný F. Passivum, reflexivní forma slovesná a reflexivní sloveso // Studie a práce lingvistické I. Praha, 1954.
Štícha F. K užívání a významu dvojí formy trpného rodu v současné spisovné češtině // Naše řeč. 1979. Č. 2.
Štícha F. Utváření a hierarchizace struktury větného znaku. Praha, 1984.
Štícha F. K vývoji zvrtného pasíva ve spisovné češtině // Listy filologické. 1988. Č. 1.

Источники

- Český národní korpus (ČNK). Ústav Českého národního korpusu FF UK. Praha, 2005. Dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.
Čapek K. Jak se co dělá. Praha, 2010.
Legátová K. Jozova Hanule. Praha, 2002.
Páral V. Radost až do rána. Praha, 1978.
Viewegh M. Báječná léta pod psa. Praha, 1994.

Сведения об авторе: Поляков Дмитрий Кириллович, соискатель кафедры славянской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vbzn2005@yandex.ru